

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ...

В.А. Дашевский

Вячеслав Алексеевич Дашевский...

С девятого ноября 2003 года нет с нами этого замечательного человека и педагога, 50 лет самоотверженно служившего благородному делу народного просвещения...

Вячеслав Алексеевич был одним из ведущих специалистов нашей кафедры. В течение многих лет он читал лекционные курсы по истории литературы Древней Руси, русской литературы XVIII века. Спецкурсы «История русской литературной критики XVIII - XIX вв.», «Проблемы изучения «Слова о полку Игореве», «Поэтический мир «Слова о полку Игореве»; проводил на разных курсах очного и заочного отделения филологического факультета спецсеминары «По страницам литературных полемик XIX века», «Из истории русской литературной критики», «Проблемы мастерства критического анализа», «Актуальные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» и др.

Сын военного комиссара и учительницы, Вячеслав Алексеевич Дашевский прожил трудную, но интересную и яркую жизнь. Уже в детские годы он был участником Великой Отечественной... В голодные послевоенные — учился в Пермском университете на историко-филологическом факультете, затем - в Свердловске, в аспирантуре, по окончании которой навсегда связал свою судьбу с высшей школой. Рядовой преподаватель, ректор Тобольского пединститута, декан филфака СГПИ - в какой бы роли Вячеслав Алексеевич ни выступал - его всегда отличали высокая требовательность к себе, корректность по отношению к коллегам и студентам, энтузиастическое отношение к учебным, научным и общественным делам.

Вячеслав Алексеевич - автор десятков научных статей, учебно-методических пособий. Он был участником многих межвузовских конференций, в том числе и международных. Много времени и сил отдавал он руководству студенческими курсовыми, дипломными работами.

Творческая мысль Вячеслава Алексеевича Дашевского никогда не дремала, всегда была в поиске. Свидетельством тому - и эта, новая его публикация, уже посмертная...

Е.Ф. Шефер,
канд. филол. наук, доцент кафедры
русской и зарубежной литературы

ЖИТИЕ БУНТАРЯ

(Протопоп Аввакум и его роль в развитии русской агиографии)

Со времени публикаций «Жития» Аввакума академиком Н.С. Тихонравовым в 1862 году сохраняется устойчивый интерес широкого круга читателей к этому произведению. Менее всего их привлекает сущность тех догматических и обрядовых вопросов, которые стали поводом жестокой полемики Аввакума со своими идейными противниками и интригующей основой автобиографического повествования. Писатели-классики, особенно чуткие к неординарным художественным явлениям, обратили внимание прежде всего на удивительный по силе и чистоте язык «Жития». Как писателя Аввакума высоко оценили И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.А. Бунин. Д.Н. Мамин-Сибиряк сопоставил «Житие» Аввакума со «Словом о полку Игореве»: «...по языку нет равных этим двум гениальным произведениям».

Могучая фигура Аввакума, его яркая личность, стойкость, проявленная им в борьбе за

свои идеалы с государственной и церковной властью, произвели огромное впечатление на Н.Г. Чернышевского. М. Горький рекомендовал включить «Житие» в программу школьного обучения¹.

«Житие протопопа Аввакума» включено в программу школьного курса литературы, но мало кто из учителей придает ему должное значение. Задача школы состоит в том, чтобы этот литературный памятник стал доступным молодому человеку, стремящемуся приобщиться к культурному наследию нашего прошлого. Учитель должен помочь открыть ему духовный мир пламенного Протопопа, воспринять суть созданных им образов и постичь красочность и выразительность языка его литературного труда.

¹ *Мальцев В.И.* Русские писатели о «Житии протопопа Аввакума»// ТОДРЛ. Т. VIII. М.; Л., 1951. С. 379-397.

В начале анализа может быть кратко представлена историческая обстановка. Вторая половина XVII века — время суровое и жестокое: то были годы безвластия и беспорядков в стране; интервенция Польши и Швеции, покушавшихся на русские земли; продолжались волнения среди донского казачества, закрепощенное и разоренное войнами крестьянство ожидало послабления своей участи от правительства. Вместо этого царь Алексей Михайлович и новый патриарх Никон ради своих политических амбиций (желание стать восприемниками распавшейся Византийской империи, придать Москве статус нового центра вселенского православия) решились на реформацию русской церкви путем приведения некоторых элементов обрядности в соответствие с уставом Константинопольского Собора.

Население, не подготовленное к такой насильственной ломке и без того раздраженное бременем непомерных тягот, бурно отреагировало на бесцеремонное вторжение в его внутреннюю жизнь. Возмутились нижние чины «белого» и «черного» духовенства, предвидя неизбежность переучиваться по новым правилам богослужения. Армию противников реформы частично пополнили оппозиционные силы боярских и дворянских дворов. Всех объединяло неприятие этой инициативы правительства и очевидная неспособность его решать проблемы государственного и хозяйственного строительства в условиях общего кризиса феодальной системы.

Аввакум стал идеологом и признанным вождем этого движения, противоречивого по составу и последовательности действий. Будучи заметной фигурой среди церковников, он общался со многими видными боярскими семьями. Он, популярный в Москве проповедник, вдруг проявил неповиновение верховной власти и в своих дерзостных посланиях побуждал общественность к открытому сопротивлению правительственным мероприятиям. Последовала расправа со всеми непокорными. Только авторитет мятежного Аввакума не позволил подвергнуть его скорой казни. Будучи в ссылке и в заточении, он продолжал работать, множить ряды своих сторонников, рассылая крамольные листы. Историю своей жизни и борьбы Аввакум воплотил в пространном повествовании, выдержанном в форме жития святого, жанре, укоренившемся на Руси еще со времен христианизации.

Однако под пером нового агиографа жанр претерпел серьезные изменения. Отшельники, пустынножители и монашествующие, подвергавшие себя аскетическому воздержанию, ушли в прошлое, уже давно стали анахронизмом. В

житиях появились новые герои, активно трудившиеся в сфере душеспасения верующей паствы и, сверх того, причастившиеся к общественно-политической деятельности. В поисках такого героя Аввакум приходит к решению писать житие на автобиографическом материале, он убежден, что достоин стать героем-святоподвижником и будет понят своими современниками. В таких обстоятельствах рождалось житие, написанное самим автором о себе.

Дерзкое по замыслу, возмутительное по содержанию, полемическое по форме «Житие» было принято современниками, прежде всего приверженцами неистового протопопа, и теми, кто ощущал тенденцию литературы к обновлению, кто испытал обаяние живого и страстного слова искусного проповедника. Осознание эстетической ценности этого литературного труда пришло позднее².

Определяющей доминантой сочинения Аввакума служит образный мир, вовлекающий читателя в эстетические переживания. В агиографическом произведении он всегда был представлен биографией святоподвижника, выполняющего обет, взятые на себя обязательства перед Всевышним, и сопровождался религиозно-христианской оценкой составителя жития.

Образный мир «Жития» Аввакума существенно обновлен. Новаторство этого произведения видится в устремленности автора обосновать право своего героя на канонизацию, на место в сонме православных святителей. Герой нового жития мало озабочен спасением собственной души путем аскетических ограничений. Напротив, он активен, буквально врывается в большой мир, полный соблазнов, радостей полнокровной жизни и одновременно неисчислимых тягот и страданий, вызванных отнюдь не Божьим испытанием, а вполне конкретными силами. Автор видит их в лице государя Алексея Михайловича, патриарха Никона и их пособников — воевод, архиереев, всех тех, кто угнетает физически и духовно подневольного человека. Герой вступает в борьбу с церковной и властной деспотией и находит в этом противоборстве свое земное предназначение, удел святоподвижничества.

Здесь нет привычной для литературы такого рода назидательности. Жизнеописание подвижника выполнено в поэтическом ключе. «Житие» Аввакума от начала до конца пронизывает проникновенный лиризм. Лирическая взволнован-

² Гусев В.Е. Заметки о стиле «Жития протопопа Аввакума» // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1987; *Его же*. К вопросу о жанре «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1959; Демкова Н.С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1987; Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963.

ность сообщает сочинению поэтичность, что позволяет сформулировать тему «Жития» как похвалу святоподвижнику-великомученику, страдальцу за общественно значимую идею.

В итоге это трагическое произведение наполняется утверждающим пафосом, читатель невольно проникается верой в жизненность аввакумовых идеалов, которые он так истово отстаивает. Невольно заражаешься примером бесстрашия и верности, искренности и бескорыстия побуждений мятежного протопопа. Очень мощно в «Житии» звучит идея необходимости активного протеста против мира зла, стойкости в этой борьбе, способности идти до конца, каким бы устрашающим он ни был. Сам герой готов к самопожертвованию, он, как апостол, уверен в своей пророческой миссии и в своем праве возглавить массовое движение раскола.

Композиция «Жития» повторяет схему жизнеописания святого. Очевидно сходство отдельных мотивов, совпадение религиозных сентенций и молитвословий с дидактической установкой, много места отведено чудотворениям.

Структура житийного жанра усложняется за счет картин исторической эпохи. Новый агиограф прочно привязывает жизненный путь героя к реальной действительности, включив его в исторический конфликт Смутного времени. Автор воссоздает обстановку, в которой проводилась реформа Никоном, и перемены, сопровождавшие обновление русской церкви, включая сложные отношения инициаторов этой политической акции и исход столкновения царя с патриархом. История в «Житии» Аввакума – не фон для святительского подвига героя, а обстоятельства, формирующие личность при его активном сопротивлении неблагоприятным условиям. Следовательно, введение в произведение истории нужно для обоснования восхождения личности к святительскому чину и прояснения особенности его бунтарского характера. Принцип историзма помог автору сделать своего героя убедительным и исключительно живым, ему удалось преодолеть схематизм в изображении схимников, свойственный прежним агиографам.

Устоявшимся признаком житийного жанра является присутствие автора-повествователя. Автор и герой в «Житии» Аввакума разведены. Верность традициям подтверждается наличием в произведении двух структурообразующих центров: герой служит объектом изображения, а функция автора — представлять героя, оценивать его духовное состояние и деяния, оправдывающие статус святителя.

Художественное время героя — прошедшее, тогда как время автора — настоящее. Герою неизвестно, что будет после, автор же осведомлен о предстоящем: «...выехав из Даура, умерла ми-

ленькая в Москве...». Различен круг общения героя и автора: герой окружен членами семьи, единомышленниками и супротивниками. Автор же общается только с читателем и слушателем. Отличны оценки, которыми снабжены главные персонажи жития. Самохарактеристика автора дается в традициях житийной литературы, предписывающих агиографу скромность и приниженность перед Всевышним, вдохновившим его на творчество. Тогда как оценка героя выражена словами с положительным значением: «многострадальный узник», «исповедник Христов», «пророк» и т.п.

Следуя канонам агиографического жанра, Аввакум однако преодолевает принцип автономного существования в житии автора и героя. Пересказывая драматическую историю своей жизни, он разрушает столь жесткое разграничение. В предисловии Аввакум объясняет замысел своего труда как поручение, данное ему его «духовным отцом» иноком Епифанием: он будет писать исповедь, построенную на жизнеописании святоподвижника. Сохранялся лирический аспект повествования. Житие выстраивалось как монолог, в котором автор принимал на себя роль героя. Открывалась возможность для обстоятельного и глубокого изображения внутренней жизни героя. Рассказ о деяниях благочестивого протопопа осложнялся таким образом множеством психологических наблюдений. Автор разделяет с героем радость и горе, гнев и досаду, испытывает чувства благодарности и любви. Сопереживание и соучастие передаются посредством интонации («Таково то зло преступлений заповеди отеческой!..»); нередко прямые обращения («Видишь ли, боголюбче, как у святых тех положено разводье»); функцию передачи настроения выполняют междометия: («Ох, горе!», «Увы мне!»... «Ох, того времени!..»). Автор обогащал психологическую характеристику героя, наделяя его своим собственным духовным опытом, что и послужило основанием для сближения двух образов. Устанавливались единство интересов и мировосприятия, общность духовных исканий и жизненных целей.

Проникновенный лиризм, глубокий психологизм, объективный историзм определяют своеобразие автобиографического повествования о сложной, противоречивой эпохе и современной ей личности, столь же сложной и противоречивой. «Житие» отмечено глубиной художественного исследования жизни русского общества изнутри в лице его незаурядного представителя, каким был Аввакум.

Автор «Жития» - личность общественно-активная, церковный деятель, участвующий в политической жизни России, которая вступила на путь реформ. В историческом конфликте он

занял позицию сопротивления им, и это обусловило противоречивость его характера. С одной стороны, он человек старой формации, крепкой нитью привязанный к прошлому религиозно-христианским мировосприятием и образом жизни. Его жизненная позиция сформулирована в словах: «Держу до смерти яко же приях. До нас положено. Лежи оно так во веки веков!». Его борьба за сохранение старой веры не стимулировала к выдвигению положительной общественной программы, зато вызвала сильную критику церковных властей и самодержавия. С дерзкой прямоотой он обрушивается на социальные несообразности феодального строя в момент обнажившегося кризиса системы. Особую ненависть он испытывал к патриарху, которого считал главным виновником всех бед в стране. Догматическое мышление, схоластика и мистика в представлениях о характере общественных отношений обусловили природу рутинного и сурового характера героя «Жития» Аввакума.

С другой стороны, это человек нового времени, переживший эпоху Возрождения, который уже осознает себя личностью свободной в мыслях, в поступках, в изъятии чувств. Раскованность его поразительна, ничто не сдерживает своевольного протопопа, даже религиозно-церковные постулаты. Он волен выбирать, решением какого Собора будет руководствоваться, какие обрядовые правила для него приемлемы. Герой бросает вызов государю, который, кстати сказать, в общем мнении являлся «помазанником Божиим». Право выбора герой реализует в полную меру. Он выбирает для себя трудный и опасный путь борца, где реальной победы быть не может, герой обречен, и ему это известно. Свою мученическую кончину герой предвидит, и он ее тоже выбирает. Освобожденная личность представлена в «Житии» развернуто, объемно и в динамике биографической хроники.

В поступках и в речах героя сильно выражено чувство родной земли, как патриот, он страдает оттого, что «светлая Россия» подвергается испытаниям Сатаны в лице Никона-латынянина: «Ох, ох, бедная Русь! Чего тебе захотелось немецких поступков и обычаев...» Он дорожит «старыми преданиями Отческими», когда «русские люди жили во Христе бесстрашно и дерзновенно». «Ревнитель древнего благочестия», он не отделял правоты от идеалов старины, как не отделял никоновские преобразования русской церкви от латинской ереси.

Родину герой любит всей душой. В волнении он созерцает природу окраинной земли просторной Российской державы, восхищается красотами Байкала и изобилием припасов: «Горы высокие, утесы каменные... Птиц зело много,

гусей и лебедей, — по морю яко снег плавают! Рыба в нем — осетры и таймини, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много!..»

Предметом особой заботы протопопа-книжника был язык. Литературной изысканности и велеречию придворной поэзии Симеона Полоцкого Аввакум противопоставил простоту и искренность выражения: «Ни латинским языком, ни греческим, ни еврейским ниже инем ищет от нас Господь, но любви с прочими добродетелями хошет; того ради... не уничаю своего языка русского...». В. Комарович, обобщая свои наблюдения над литературным памятником, отметил своеобразное выражение патриотизма в «Житии» Аввакума: «В XV-XVII вв. проблема национальности была нерасторжимо связана с проблемами государства, церкви, официальной идеологии. Для Аввакума она также и факт внутренней, душевной жизни. Все русское для него прежде всего раскрывается в области интимных чувств, интимных переживаний и семейного быта»³.

Замечательной стороной личности героя Аввакума была его верность своим убеждениям, стойкость в отстаивании их, как бы трудно ни приходилось ему в противостоянии властям. Начиная с молодых лет, он подвергается различным испытаниям и гонениям, но ничто не может сломить его дух: ни монастырские студеные каморы, ни голод, ни истязания кнутом. На пути из Сибири в Россию герой «Жития» переживает духовный кризис, он задается вопросом: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня...». И тут же следует замечательный по содержанию и художественному исполнению рассказ о том, как его жена, Анастасия Марковна, поддержала и благословила протопопа на святоподвизничество.

Пребывание в Москве явилось новым испытанием для непокорного протопопа. После долгих скитаний и невзгод он снова оказался в знакомом ему окружении, где его приняли «яко ангела». Искус был велик. Однако строптивец выдержал и этот экзамен. Долго молчал, присматривался, потом «паки заворчал, написал царю многогнько таки, чтоб он старое благочестие взыскал...». К упрямцу снова применили карательные меры. Из новой ссылки его вызвали для увещевания на Вселенский Собор. Убедившись в тщетности своих усилий, патриархи, одновременно с низложением российского патриарха Никона, лишили церковного сана и неукротимого протопопа. Последствия дерзостного поведения на Соборе были предсказуемы. Героя ждали новые пытки и вероятный костер.

³ Комарович В. История русской литературы. Т. I. Ч. 2. М.: Л., 1948. С. 322.

Герой близок к христианам-подвижникам ранней агиографии, стойко преодолевавших душевные колебания и проявлявших силу воли в воздержании от всякого рода соблазна. Так же, как и они, с подобающим смирением и кротостью принимал он мучения как знак свыше. Но герой Аввакума отличается от апостолов и подвижников. Он — борец, в отношении к своим идейным противникам суров и непримирим. По его собственному признанию, он «драться лихой». Упрекая оппонентов в религиозной нетерпимости, сам протопоп готов к расправе над инакомыслящими, «ступить на горло собакам-никонианам».

Первые дни реформы Никона вызвали волнение среди «ревнителей благочестия». Аввакум вступает в борьбу с сановным реформатором, подает на него челобитную царю. Власть отвечает крутыми мерами, после нескольких тюремных отсидок, протопопа отправляют в далекую ссылку. В Тобольске опальный церковник не перестает обличать ересь Никона, конфликтует с местной администрацией, отстегал дьяка Струну за мздоимство и доноительство. Призванный в экспедиционный казачий полк воеводы Пашкова, герой претерпел без меры унижения и истязания: «Ох, времена тому!» — со вздохом вспоминает он тяжелые для него годы. Борьба между протопопом и воеводой продолжалась десять лет. Всемогущий в крае Пашков впервые почувствовал бессилие перед несокрушимостью человеческого духа. И когда Аввакум покидал Сибирь, он вправе был сказать: «Кто кого мучил эти долгие годы — Бог разберет в день века...».

Казалось бы, измученный герой должен был озлобиться на весь белый свет. Но этого не случилось. Его доброта и забота распространяется на широкий круг современников, на единомышленников, товарищей по заключению, на всех обиженных и гонимых. В «Житии» приводятся многочисленные случаи проявления сострадания героя к другим, даже если это ему самому грозило неприятностями. За требование вернуть матери дочь, похищенную начальником-насылником, он был избит, в него стреляли, топили в реке; за освобождение старух-вдов от произвола воеводы, вознамерившегося выдать их замуж, протопопа били кнутом; ему не прощали обвинения властей в лихоимстве и в преследовании людей за их приверженность старой вере. Он печется о своей пастве, лечит больных, словами ободрения поддерживает единоверцев.

Герой — заботливый семьянин, немало теплых слов нашел он для своих детей и жены. Семье пришлось вынести все тяготы ссылки: голод, холод, нищету. Обрекая семью на страдания, он душевно мучился от сознания своей ви-

ны и бессилия облегчить их участь. Неизбыточная боль слышится в речи Аввакума: «Дочь моя, бедная Ографена... на Мезени с меньшими сестрами перебивается кое-как, плачучи живут. А мать с братьями в земле закопаны сидят...». Немногими скупыми словами автор «Жития» сумел показать неиссякаемую силу духа, терпение и преданность жены, Анастасии Марковны, создать один из волнующих женских образов в русской литературе.

Итак, образ героя «Жития» соответствует традиционному типу героя агиографической литературы. Ясно просматриваются характерные для него черты: причастность к церковной среде; святость как жизненный принцип, выразившийся в приоритете духовного начала над материальным; воплощение жизненного идеала в религиозно-христианских понятиях и представлениях; главным делом жизни становится святоподвижничество, направленность которого определяется субъективно, самим подвижником; динамика жизненной судьбы структурируется вектором — от благонравия через благодеяния к благочинию; подвижник оказывается праведником, поскольку признание святительского звания подтверждается знаками внимания Всевышнего и небесных сил.

Но в «Житии» Аввакума происходит обновление облика героя за счет включения его в образ исторической эпохи. Герой участвует в общественно-политической борьбе, он остро ощущает потребность широкого общения с представителями разных социальных кругов, осознает ценность каждой конкретной личности как таковой, проявляет внимание к бытовой стороне жизни частного лица. Такой герой «Жития» становится ближе, доступнее и понятнее современнику, отчего сила нравственно-эстетического воздействия его на читателя возрастает.

Говоря о ревностном отношении героя Аввакума к русскому «отеческому» языку, мы обошли ряд важных вопросов характеристики речевого строя литературного памятника. Признанный мастер художественного слова И.С. Тургенев отметил: Аввакум «писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу... Вот она, живая речь московская!..» Главное в стиле Аввакума — это свободное выражение мыслей и чувств, которое преодолевает книжные условности и традиции. Сам автор говорил о своем пренебрежении к изжившим себя и стеснявшим его грамматическим правилам: «Аз есмь не ритор, не философ, дидоскальства и логофетства не искусен, простец человек и исполнен неведения...» Эта живая разговорная речь определяла и характер повествования. Рассказа-

зывая, например, как ему пришлось в Сибири самому крестить своих детей, Аввакум возмущен соответствующими церковными запретами, тут же с благоговением вспоминает московских святых и одновременно посылает проклятия церковникам-никонианам, здесь же пафосно клянется быть верным своим убеждениям: «Хотя на меня камни накладывают, я соотеческим преданиям и под камнями лежу...». Внезапно, осердясь, обрывает свою речь: «А что много говорить? Плунуть на действие то и службу ту их, да и на книги те их новоизданные — так и ладно будет». После чего протопоп, напоминая своим недругам о двадцатилетнем преследовании, с иронией просит у них прощения: «Простите, братие-никониане, что избранил вас, живите как хотите».

Сам язык Аввакума был своеобразным выражением его патриотических чувств. Проявление народного начала в «Житии» не следует ограничивать заимствованиями из фольклора пословиц и поговорок. По верному замечанию академика Д.С. Лихачева, русскость в сочинении Аввакума проступает в общем характере его речи, «представленной широким словарем, гибкостью грамматики, свободой и смелостью введения в письменный язык форм устной речи, чутьем самого звучания слова, близостью к русскому быту, а также в юморе и балагурстве...»⁴.

Новаторство Аввакума в области языка имело большое значение для последующего развития русской литературы. И хотя нет прямой связи его

опыта с практикой и теорией Третьяковского и Ломоносова, однако сама установка на русскую речь, на язык разговорный, яркий и выразительный, не отягощенный отжившими нормами, несомненно, предопределила направленность языкового творчества Державина и Карамзина. Поиски путей обновления русского литературного языка, которые велись Аввакумом-писателем, сочетаются с его уважительным отношением к книжной культуре прошлого народа.

Предложенный в статье тип анализа может быть продуктивным, если учитель при изучении «Жития» Аввакума поставит перед собой воспитательные задачи. Сосредоточенность на нравственной и эстетической сторонах этого литературного памятника позволит более эффективно использовать содержащиеся в нем возможности. О силе воздействия на читателя сочинения пламенного протопопа свидетельствуют уже приведенные оценки, данные классиками новой русской литературы, которые увидели в «Житии» исполинскую фигуру Аввакума — бунтаря против социальной несправедливости и бесстрашного борца за идею, за демократические свободы и права отдельной личности. Они обратили внимание на преобразование жанра агиографической литературы в автобиографическое повествование, на смелое освобождение книжной речи от условностей и ограничений языка церковной литературы. Все это поставило «Житие» Аввакума в ряд шедевров словесного искусства времени русского позднего средневековья.

⁴ Лихачев Д.С. Человек в древней Руси. М., 1970. С. 141-146.